

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

УДК 314

Желтов Виктор Васильевич, Желтов Максим Викторович

Кемеровский государственный университет

Кемерово, Россия

Арабская весна: демографические аспекты

Дается анализ демографической составляющей революций, имевших место в последнее время в арабском мире. Раскрываются некоторые аспекты реального социального положения арабской молодежи, лежащего в основе ее политической активности.

Ключевые слова и словосочетания: *арабские революции, арабская весна, социальный протест, демографические изменения, образование, безработица, занятость.*

Арабские революции, охватившие с конца 2010 г. большинство мусульманских стран на Севере Африки и Ближнем Востоке, во всем мире получили наименование «арабская весна». Весна, как известно, является для многих символом обновления и надежд, которые вдохновили вступление народов арабского мира на путь глубоких перемен.

Весна арабского мира – исторически не первая весна в политическом смысле. Как тут не вспомнить о «весне народов» 1848 г.,¹ знаменовавшей события в Париже и Варшаве; пражской весне 1968 г.,² Дамасской весне 2001 г.³ или весне в Бейруте в 2005 г.⁴ Правда, данные события лишь только «подтвердили тот факт, что цветы не всегда приносят плоды» [1].

¹ Европейские революции 1848 – 1849 гг. – общее наименование революционных движений, выразившихся в форме неповиновения, открытых вооруженных восстаний, декларирования новой государственности в европейских странах в середине XIX в. В публицистике эти события получили наименование «Весны народов».

² Пражская весна – период политической и культурной либерализации в Чехословакии. Началась 5 января 1968 г., когда реформатор Александр Дубчек был избран первым секретарем Коммунистической партии Чехословакии, и продолжалась до 21 августа, когда СССР и остальные члены Варшавского договора, кроме Румынии, вторглись в страну и тем самым остановили процесс реформирования ЧССР.

³ Термином «Дамасская весна» обозначали попытку Башара Асада преобразовать сирийское общество после вступления в 2000 г. на пост президента страны.

⁴ Весной в Бейруте называли массовые действия протеста населения Ливана, требовавшего вывода сирийских войск с территории страны.

Арабские революции стали, как известно, выражением демографической и культурной трансформации, осуществленной в арабском мире. И эта трансформация в арабских обществах особенно сильно сказалась на молодежи. Молодежь арабского мира, в частности, подошла к принятию либеральной и западной модели образа жизни и стала, в силу этого, «социобиологическим» актором осуществленных трансформаций. Как пишет *TimeMagazine*:

«Всеми восстаниями руководили молодые мужчины и женщины... И все они (и мужчины, и женщины) выражали одни и те же требования: право выбирать и заменять своих руководителей, покончить с эндемической¹ коррупцией, обеспечить занятость и улучшить условия жизни. «Где бы вы не оказались, в Тунисе, Каире или Манаме (Бахрейн), – утверждает Ала'а Шебаби, молодой 30-летний бахрейнский активист, читающий курс экономики в университете, – молодые арабы находятся на одной и той же длине волны» [2].

Социальный протест молодежи сопровождается освобождением ее от инерции прежних социальных и семейных отношений, которая особенно сильна в арабском мире. Судя по характеру социальных сдвигов в большинстве стран арабского мира, молодежь проявляет готовность приблизиться к ценностям либеральных демократий, утвердившихся в продвинутых капиталистических обществах.

Обращает на себя внимание тот факт, что в арабском мире изменяется демографическое поведение молодых людей. Сказывается влияние ряда факторов, среди которых демографы называют массовидно выраженный рост уровня образования молодых людей, увеличение возраста вступления в брак, а также все более широкое использование в интимных отношениях контрацептивов.

Подобный процесс, как известно, получил развитие в 1960-е гг. в странах Западной Европы и Северной Америки. Правда, эти трансформации происходили там в ином экономическом контексте, чем тот, что сложился к началу 2000-х гг. в мусульманских странах Северной Африки и Ближнего Востока. В большинстве стран арабского мира первостепенную роль в поведении молодежи играет не столько «прогресс нравов», сколько безработица и нищета, сказывающиеся на реальном положении молодых людей в обществе.

Большинство молодых людей, которые продвигали дело арабских революций, по мнению некоторых обозревателей, не созрело до признания полностью либеральных демократических идеалов. Они, скорее, напоминают людей, которых мотивирует потребность вести достойную и приемлемую жизнь, но это в контексте поколенного обновления, отличающего

¹ Эндемический – местный, свойственный данной местности.

их от старших поколений, которые вовсе не собираются уступать, кому бы то ни было, свое место в обществе [3].

При всей привлекательности попыток объяснения политических феноменов арабского мира на основе демографических переменных, такой подход неприемлем в случае арабской весны. Ибо в рамках демографического подхода дает о себе знать опасность недоучета влияния комплексности социальных, культурных и политических измерений в арабских революциях.

Однако не меньшую опасность для научного анализа несет с собой пренебрежение демографическими измерениями. Начнем с того, что в своей совокупности арабский мир молод. Молодежь в возрасте до 20 лет в арабском мире составляет половину населения. Лица от 15 до 24 лет составляют четверть населения. Средний возраст в арабском мире составляет 25 лет, тогда как в европейских нациях – 38 лет [4]. По отдельными странам этот показатель выглядит следующим образом: средний возраст в Тунисе составляет 29 лет, а в Египте – 24. Для сравнения: во Франции этот показатель составляет 40 лет, в Германии – 44 года [5].

Только 6% населения арабского мира имеют возраст свыше 60 лет. При этом в арабских странах обозначилась тенденция падения рождаемости. По сравнению с показателями 1960-х гг. она сократилась наполовину, перейдя с 5 – 7 детей в среднем на семью, до 2 – 3. В Тунисе этот показатель составляет 1,71, что меньше, чем у французов (1,91) и не обеспечивает обновления поколений.

В настоящее время козырем экономического развития является наличие многочисленного и динамичного молодого поколения в составе населения, а также невысокое влияние «отношения зависимости¹» и отставания в политическом плане. Фактически, в большинстве арабских стран численность молодежи превышает способности государственной власти вовлечь ее в активную экономическую деятельность. Не хватает мест занятости, что ведет к безработице и социальным напряжениям [6].

Как отмечал еще 25 лет назад демограф Филипп Фарг, в продолжение демографического перехода «20 – 30-летние не представляли и не будут представлять никогда в населении 20-летних в такую же пропорцию, как сегодня» [7]. И нужно сказать, что в арабских странах массивное прибытие молодежи на рынок труда представляет собой часть прошлого.

Тематика демографического взрыва как фактора арабских революций значительно уменьшает влияние социальных и экономических объяснений. Уменьшается и оценка влияния уровня безработицы. На переднем плане оказывается идея опасной молодежи: не имея возможности полу-

¹ В демографии к числу так называемых «зависимых» относят население в возрасте до 15 лет и свыше 65 лет.

чить работу, молодежь становится добычей экстремистских идеологий и даже бунтов.

В плане образования неравенство особенно велико. В зоне Северной Африки и Ближнего Востока треть молодых людей безграмотна. При этом население Ливии, например, более грамотно, чем население Туниса, а показатели по образованности населения Алжира выше, чем в Египте и Марокко¹ [8]. Велики различия по этому показателю между мужчинами и женщинами, а также между городскими и сельскими жителями.

Революционная решимость арабской молодежи в определенной мере напугала стареющие европейские общества, хотя не изменила сути подъема движения протеста, связанного с принятием ценностей модерна, ценностей, которые являются одновременно причиной и следствием трансформации демографического поведения. Можно утверждать, что пробуждение сознания и принятие ценностей модерна позволило привести многих представителей молодежи к арабской весне [3].

Это так потому, что прогресс арабских стран в экономическом плане (как показывает рост ВВП) и в интериоризации ценностей модерна (о чем свидетельствуют демографические и культурные показатели), с неизбежностью поднимали в последние годы вопрос о судьбах авторитарных и патриархальных режимов. На этом фоне особенно сильным раздражителем для молодежи стал тот факт, что некоторые успехи арабских стран в экономическом развитии не давали удовлетворения многим молодым людям с точки зрения их материального благополучия. Выявились противоречия. С одной стороны, в обществе нарастали настроения необходимости дальнейшего движения в направлении продвинутого «капиталистического Эльдорадо», а с другой – этому противодействовала сложившаяся политика антиимпериалистической борьбы против Израиля за возвращение арабского «золотого века», сохранения своей этнической идентичности на основе ограниченных экономических возможностей для решения многих жизненных проблем.

Новые настроения в обществах стран арабского мира во многом были связаны с теми надеждами, которые возлагались на дальнейшее развитие системы образования как носителя идеалов свободомыслия и особенно равенства прав и уважения человеческого достоинства. Нужно сказать, что увеличение продолжительности обучения воспринималось большинством арабов как гарантия получения занятости в публичной службе. Обучение уменьшало к тому же социальную дистанцию и вносило свой вклад в создание предпосылок к преодолению социального неравенства, в том числе и между классами.

¹ По данным Всемирного банка, грамотные в Бахрейне составляет 91%.

Правда, в конце 1970-х гг. арабские страны, за исключением государств-рантье, связанных с нефтью, были вынуждены сокращать свою роль как работодателя. Во имя демократизации доступа к системе высшего образования государства ограничивали масштабы своей экономической деятельности. Всемерное содействие развитию гуманитарных и социальных наук, изучению иностранных языков и информатики способствовало снижению ценности образования на рынке труда и занятости, что провоцировало сильное чувство разочарования среди молодежи [3].

Факты показывают, что наличие образования не является гарантией от безработицы, хотя и может открывать перспективы для жизненного успеха. Вероятность успеха определяет настроения не только молодых людей, но и их родителей. Одна из матерей в Тунисе 27 декабря 2010 г. перед камерой, видимо мобильного телефона, заявила: «Я никогда не соглашусь с тем, чтобы мой дипломированный сын стал бы торговцем бараньего гороха, мы не для того жертвовали всем, чтобы оплачивать его учебу».

И в целом ряде арабских стран, где система высшего образования получила существенное развитие в последние десятилетия, вовсе не вопросы обучения в университете обрели политическое измерение. Куда большее влияние на политические настроения молодых людей и многих представителей старших поколений оказывала невозможность реализовать то, что высшее образование обещает в отношении социального статуса.

Таким образом, более высокий уровень образования порождает вторичные эффекты в демографическом поведении. Уменьшение государственных ресурсов и неспособность университетского образования отвечать на новые потребности капитала порождали глубокое недовольство среди арабской молодежи, подталкивая ее на путь восстания [3].

Освободиться от социального и семейного давления, чтобы стать демократом?

Другая общая черта эволюции арабского мира заключается в связи между безграмотностью и понижением отношений авторитета в семейной и в публичной сферах. Как заявляет Юсеф Курбаж : «Дети, более грамотные, чем их родители, ставят под вопрос патриархальный авторитет. Когда семьи являются авторитарными и патриархальными, когда ваша семья отличается более эгалитарными взаимодействиями между родителями и детьми, между братьями и сестрами, само общество имеет тенденцию становиться более эгалитарным, и оно более не приемлет абсолютную власть» [9].

Действительно, отношения авторитета претерпели глубокие изменения в арабских странах. Преодоление безграмотности в какой-то мере объясняет это изменение. Однако постановка под вопрос родительского авторитета не могла осуществиться столь же легко, как, например во

Франции конца 1960-х гг. Об этом писал в начале 1990-х гг. демограф Поль Фарг: «Быстрое падение смертности (в арабском мире) значительно увеличила продолжительность сосуществования поколений, так же как размеры фратрий. Ранее, старший сын был наследником своего отца; соперничающие с ним братья не были многочисленными, т. к. смертность делала свое дело. Сегодня наследнику нужно жить со своим отцом в условиях конкуренции со своими братьями. В условиях кризиса урбанизации молодым людям приходится проживать совместно не только со своим отцом, но и под его крышей, т. е. под родительским авторитетом живут многие молодые горожане в возрасте, когда уже создаются семьи, и в условиях отсутствия собственных материальных средств» [7].

Модель расширенной, или коммунитарной¹, семьи разрушается или начинает разрушаться в арабских странах. Сказывается динамика процесса индивидуализации. Нуклеарная семья утверждается среди образованной части населения как модель в урбанизированной среде. Этот процесс развивает желание автономии и освобождения от социального и семейного давления, которое рассматривается все более как неприемлемое. Все большее распространение получает формула: «Я хочу быть тем, кто я есть». Это яркое свидетельство процесса индивидуализации. Однако данная динамика в основном сконцентрирована в столицах. И она не получает пока более широкого распространения в силу материальных оснований.

Как показано в фильме «Tanguy», молодые люди севера Средиземного моря остаются у родителей до 30 лет. Другие вынуждены к ним возвращаться в силу утраты работы. Большинство молодых людей южного берега Средиземного моря ощущают остро потребность бегства от родительского авторитета и даже противостояния ему в то время, как возможность иметь работу, жилище и накопить на «потлач²» в своей женитьбе удаляется как мираж.

Данный фильм, получивший широкую известность, средствами искусства адекватно отражает реальную ситуацию во многих арабских странах. Согласно официально опубликованным данным, сейчас в афро-арабском мире на одну женщину-мать в среднем приходится 6,5 детей, из которых «на ноги» удастся поставить лишь одного, занимающего место отца в лавке или в поле. Самые бедные мужчины не имеют возможности жениться, так как не могут собрать – даже при помощи родственников – средства для уплаты выкупа за невесту. В результате огромная часть людей вливается в безликую массу маргиналов, люмпенов и попрошаек. Их

¹ Коммунитарная семья по-прежнему остается «нуклеарной», но стержневой в ней становится идея социальной ответственности родителей за воспитание детей.

² Потлач – традиционная церемония индейцев Тихоокеанского побережья. Он представлял своего рода войну за максимальное влияние и авторитет, в которой вместо обычного оружия использовались имущество и материальные ценности, принадлежавшие племени.

удельный вес в среде молодежи, по опубликованным данным, достигает 70%. В случае возникновения каких-либо кризисных ситуаций и социальных взрывов именно маргинальная молодежь выходит на улицу и составляет основную массу бунтующих и зачастую бесчинствующих [6].

В психологическом плане это вызывает очень большое беспокойство. Большая часть семей, способных дать образование своим детям, твердо верят в успех своих детей, благодаря институту образования. Эти же семьи обвиняют своих сыновей и дочерей в неспособности получить работу, что ведет к усилению социального и семейного давления. Нередко для некоторых молодых людей выходом из такой ситуации становится самоубийство. Другие же молодые арабы не имеют иного выбора, как впасть в традиционную религиозность, которая призвана облегчить психический вес императива социального и семейного успеха.

Со времени получения независимости молодые арабы каждый раз соприкасаются с этим моментом самоутверждения, а потом и своего возвращения к традиционным семейным и социальным давлениям по причине экономических кризисов и войн. Этому содействовали усиление влияния национализма и поддержка определенного числа социальных структур (семейные предприятия, аграрная экономика, зависимость от государства, клиентелизм и патриархальность и т.д.).

Наконец, в профессиональной сфере те, кто получили место в публичной сфере, утратили занятость в частном секторе, снова вынуждены испытывать давление физическое и психологическое, что связано с растущей эксплуатацией лиц наемного труда в условиях совершенствования публичного менеджмента.

Падение рождаемости: добровольный выбор как символ эмансипации

Анализ причин снижения рождаемости является симптоматичным, если говорить о тенденции рассматривать культурные изменения арабских обществ как результат позитивной эволюции. Известный историк Э. Годд, например, считает, что «общество, которое контролирует рождаемость, это общество, в котором отношения между мужчинами и женщинами изменились» [5].

Экономисты Вивьен Леви-Гарбуа и Жерар Маарек, в свою очередь, утверждают: «Женщины научились читать, вошли на рынок труда. Они не приемлют более бремени повторяемой беременности, когда их партнеры принимают их эмансипацию. Именно этот феномен можно видеть сегодня в Северной Африке и Ближнем Востоке» [10].

Такое изменение отношения к беременности и рождаемости не является единственным. Правда, показатели этого изменения существенно различаются по разным территориям и социальным группам. В реальности продолженная добрачная жизнь мужчин и женщин является результа-

том «мальтузианской ловушки»¹ в условиях экономического кризиса и молодежной безработицы. В 2005 г. Доминик Табютэн и Бруно Шумакер писали:

«Всего 30 лет назад средний возраст выхода замуж женщин был ранним – от 18 до 21 года в большинстве стран (за исключением Ливана, Израиля и Туниса, где он возрастал до 23 лет). За исключением Йемена, средний возраст вступления в брак составляет сегодня 22 года (Оман, Палестина, Саудовская Аравия, Иран, Ирак и Турция) и около или более 27 лет (Алжир, Тунис, Египет, Ливия и Катар)» [11].

Увеличение возраста вступления в брак женщин началось в 1960-е гг. в Тунисе, а в 1970-е гг. в Алжире и Марокко. В 2011 г. в Алжире и Тунисе этот возраст один из самых высоких. В среднем возраст матримониальных союзов превышает уже 30 лет. И эти молодые люди живут в семье. Далеко не все они имеют работу, особенно женщины, и испытывают семейный контроль над интимными отношениями молодых людей.

Это ведет к снижению числа детей в семье. Хотя стремление иметь детей в арабском мире остается на высоком уровне, тем не менее, снижение числа детей в семье является отражением эмансипации женщин, а также своеобразным ответом на материальные трудности. И это, к слову сказать, не вписывается в патриархальные традиции.

Снижение числа детей в семье на одну женщину отражает тенденцию индивидуализма и своеобразный отказ от коммунитарной модели семьи, обреченной на сельский труд и передачу наследства мужчинам по старшинству, что в арабском мире стало рассматриваться как некий «негатив». Вопреки проявлениям индивидуального освобождения «мое тело мне принадлежит, и я делаю с ним то, что хочу» или «я выйду замуж, если я хочу, когда захочу и рассчитываю пользоваться жизнью», падение рождаемости еще и следствие бедности и безработицы.

Требования исламистской идентичности в наши дни во многом совпадают с теми требованиями того же рода, что выдвигались в 1968 г., например во Франции. Подъем арабских движений протеста отражает стремление достичь достойных материальных условий жизни. Причем это строится на основе отрицания во многом сложившихся традиций и норм. Однако было бы неверным отождествлять требования «красного мая» 1968 г. во Франции и «жаркой осени» 1969 г. в Италии с требованиями арабской весны. Демографические трансформации лишь только имитируют западное

¹ Под «мальтузианской ловушкой» (*Malthusian Trap*) обычно понимается типичная для доиндустриальных обществ ситуация, когда рост производства средств к существованию не сопровождается в долгосрочной перспективе ростом производства на душу населения и улучшением условий существования подавляющего большинства населения, остающегося на уровне, близком к уровню голодного выживания.

демографическое поведение в силу того, что это поведение только наполовину является синонимом эмансипации.

Классовая борьба или борьба поколений?

В рамках политического подъема на волне революций арабская молодежь вела глубоко либеральную культурную борьбу, в основе которой лежали требования свободы «быть» и «иметь». Однако поле действия для такой свободы, конечно же, было ограниченным. И это связано с теми ограничениями, которые накладывают на поведение молодых людей, с одной стороны, семейные традиции, а с другой – мусульманство.

В идеологическом плане выбор для молодых людей является также ограниченным. Он как бы зажат между марксизмом-ленинизмом с остатками трайбализма и этатизма, ницшеанскими убеждениями левых и правых, исламом и его версиями, которые представляются в СМИ, и теолого-политическими верованиями радикального толка, которые получили дополнительный импульс под воздействием войн против Ирака и его оккупации США и их союзниками.

Кроме того, у этой молодежи крупные трансформации поражают символическую и социоэкономическую ткань арабских обществ, что проявляется в смешении ролей мужчины и женщины и чувствах пауперизации и фрустрации, порождающей психологическую депрессию. Обозреватели отмечают, что в период экономического кризиса, который предшествовал революциям, получило распространение неуважение к страданиям других. Это неуважение призвано маскировать собственное страдание – форма банализации зла – и подчинение иерархии «стариков», менее образованных, связанные с «архаизмами» мысли и поведения. Это последнее является самым важным для понимания как фрустрации молодежи, так и ее революционной активности.

Для любого молодого человека нет ничего хуже, чем зависимость (финансовая или в вопросах занятости). Это чувство в сочетании с формой кризиса подростков выходит за рамки бунта. Это чувство отражает социальные, культурные и экономические трансформации общества. При этом молодежь арабского мира вынуждена терпеть геронтократию, что блокирует ее способность к персональной и профессиональной эмансипации.

Тем не менее, «новая» (читай: протестующая) арабская молодежь сильна численно. Однако она испытывает угрозу растущей пауперизации, к тому же не сильна она и в своих идеологических пристрастиях, а потому может становиться добычей авторитарных представлений старшего поколения.

Не удивительно, что многие представители бэби-бума встали на сторону арабской весны, как, например, профессор политических наук Каирского университета, который заявил, что «молодые люди за несколько не-

дель прошли такой же путь, как их родители – за 30 лет». И далее: «Если бы вы мне сказали несколько лет назад, что мои студенты станут мотором демократического изменения в Египте, я рассмеялся бы в ответ» [12].

Каково демографическое будущее арабской весны? Наверное, можно говорить о том, что «поколенческая революция», как иногда называют арабские революции, окажется успешной с точки зрения будущего молодых людей, если старшее поколение сможет быстро уступить свое место новому поколению. Правда, это время, судя по всему, еще не пришло, учитывая социологические характеристики политического персонала, оказавшегося в инстанциях транзита, например, в Египте и Тунисе.

1. Cf. Basbous A. Le tsunami arabe. – P., 2011. – P. 11.
2. Time Magazine. 17 fevrier 2011. URL: <http://www.time.com/time/magazine/article/0,9171,2050022,00.html>.
3. Cf. Béchir Ayari M., Geisser V. Renaissances arabes. 7 questions clés sur des revolutions en marche. – P., 2011.
4. Khader Bichara. La jeunesse? Votéur des soulèvements démocratiques arabes. URL: <http://www.medeia.be/2011/05/la-jeunesse-moteur-dessoulevements-democratiques-arabes>.
5. Todd E. Allah n'y est pour rien! Sur les revolutions arabes et quelques autres. – P., 2011.
6. Васильев А.М. Рецепты арабской весны: русская версия / А.М. Васильев. – М., 2012. – С. 98 – 109.
7. Fargues Ph. Un siècle de transition démographique en Afrique méditerranéenne 1885 – 1985 // Population. – 1996. – № 2. – Vol. 41. – P. 205 – 232.
8. URL: <http://donnees.banquemondiale.org/indicateur/SE.ADT.LITR.ZS/>
9. Le Café pédagogique. 21 mars 2011.
10. Vivien Levy-Garboua, Gérard Maarek. «Printemps arabe» et transition démographique», *Macropsychanalyse*, 12 juin 2011. URL: [http:// Macropsychanalyse. Wordpress.com/2011/07/12/ printemps-arabe-et-transition-démographique](http://Macropsychanalyse.Wordpress.com/2011/07/12/printemps-arabe-et-transition-démographique).
11. Tabutin Dominique, Bruno Schoumaker. La démographie du monde arabe et du Moyen Orient des années 1950 aux années 2000. Synthèse des changements et bilan statistique // Population. – 2005. – Vol. 60. – P. 611 – 724.
12. Bobby Ghoch. Rap and Revolution: Inside the Arab Youth Quake // Time Magazine. 17 février 2011. URL: <http://www.time.com/time/magazine/article/0,9171,2050022,00.htm>.